нет и невозможно устроиться на работу... Оставаться в таком критическом положении, это значит оставаться морально убитым...» [5, с. 59].

Таким образом, очевидно, что источники личного происхождения несут в себе богатейшую для историка-исследователя информацию. Благодаря им картина прошлого становится более живой и многогранной.

Список литературы:

1. Воспоминания о Наримане Сабитове. – Уфа: Китап, 2006. – 160 с.
2. ЦГАООРБ. Ф. 122. ОП. 14. Д. 84. Л. 63-64.
3. ЦГАООРБ. Ф. 122. ОП. 18. Д. 636. Л. 1,3,13,87-88.
4. ЦГИАРБ. Ф. 1671. ОП. 1. Д. 12. Л. 1, 6, 12-13.
5. ЦГАООРБ. Ф. 122. ОП. 18. Д. 589. Л. 59.
6. Чекисты Башкирии. Очерки, статьи, воспоминания. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1967. – 193 с.

НЕ ТОЛЬКО ДОНОМ КАЗАЧЕСТВО ПРИРАСТАЛО

© Ерохин И.Ю.*

Кройдон Колледж, Великобритания, г. Лондон

История казачества накопила огромное число источников. Эти источники исчисляются томами. Вместе с тем в историографии казачества присутствуют очевидные ошибки и крайности. Одна из оных, – описательный характер истории казачьих общин. Вторая, – смещение акцента изучения казачьих диаспор преимущественно в сторону самых старейших и крупных из них, при этом с попытками сделать обобщающие заключения по проблемам истории всего казачества в целом.

Ключевые слова: казаки, казачество, государство и право, казачьи войска, традиционные казачьи территории.

Традиционно при исследовании опыта и истории казачества принято ссылаться на практику государственного строительства именно крупнейших казачьих войск и территорий – Дона, Кубани, Терека и др. Однако, для правильного понимания особенностей структуры казачьей общности такой подход недопустим. Важно рассматривать всю казачью общность в целом, с учетом и тех регионов, заселение казаками которых происходило в более поздние исторические периоды. К числу таких важнейших регионов могут быть отнесены, прежде всего, регионы Сибири и Урала [6, 7, 9]. Процессы, происходящие в них, примечательны и поучительны. Нужно учитывать, что ранний Дон и Сечь, частично – Яик и Черноморье выработали свою особую, «специфическую» характеристику казачьего поведения.

* Старший научный сотрудник.

Многие казаки войска более позднего периода возникали как система мер российской власти по охране ее государственных границ [3]. Об этом прямо указывается в ряде источников [8]. Амурское казачье войско (1860-1918 гг.) созданное в Приамурье и Приморье из казаков Забайкальского казачьего войска (Благовещенск-на-Амуре) несло пограничную службу с Китаем. В 1889 г. из него было выделено Уссурийское казачье войско. Войско сыграло важную роль в русско-японской (1904-5 гг.) и Первой мировой войнах.

Астраханское казачье войско, по мнению ряда источников, изначально создавалось для несения сторожевой службы в низовьях Волги и на побережье Каспия, на юго-западной границе России. Оренбургское казачье войско образовано в 1748-55 гг. для обороны Оренбурга.

Например, тоже устройство Волжского казачьего войска сильно отличалось от Донского. Войсковое землевладение Волжского войска было служилым. Земли не были переданы войску в «вечное» пользование. Тем самым подчеркивалась прямая зависимость войска от государства и его временность существования на Волге, возможность в любой момент быть переселенным. Точные границы войсковых земель тут были определены лишь к 1755 г.

Другой особенностью войска было то, что пашенное земледелие не получило у волжских казаков широкого распространения, а основными видами хозяйственной деятельности стали, – рыболовство, развитие винокурения, бахчеводство, лесозаготовка, некоторые ремесла, и даже кладоискательство. Так волжские казаки выполняли своеобразную государственную археологическую миссию.

Источники говорят о том, что большинство из волжских казаков являлось староверами [12]. По крайней мере, доподлинно известно, что православные представители войска составляли не более 50 % его численности.

Волжское войско [12] обладало ограниченными по сравнению с тем же Донским правами административно-территориальной казачьей автономии XVII в. Фактически это были лишь отдельные элементы казачьего самоуправления (войсковой круг, войсковая и станичная канцелярии). Непосредственное влияние на жизнь войска оказывала деятельность астраханского губернатора и царицынского коменданта.

В последнее время много говорится о т.н. «традиционном казачьем национализме». Это тезис выдвигался уже в 90-е г. XX в. либерально настроенной интеллигенцией демократической направленности. Сначала либералы воспринимали казаков как своих союзников в борьбе с ортодоксальными идеологами партократов из КПСС. Впрочем вскоре ситуация кардинально изменилась. Казачество стало все больше тяготеть к «ультралевым» группам и националистам. Данный вопрос всячески подогревался в общественном сознании извне.

Первоначальный опыт развития казачьих диаспор Дона [5] и Сечи делает тезис о казачьем национализме вполне мотивированным. Эти структуры были

подобны рыцарским орденам Западной Европы и крайне негативно относились к любым инородцам, которые пытались прийти к ним «со своим уставом». При этом в число данных инородцев часто попадало и само Российское государство, с которым сечевики и донцы себя не позиционировали, а строили отношения на принципах внешней дипломатии, системы договоров. Не редки были случаи еврейских погромов и других проявлений нетерпимости. Государство, впрочем, отвечало казакам в этом плане вполне «взаимно», – достаточно вспомнить, например, судьбу последнего кошевого атамана Сечи, который по приказу Москвы провел в заточении длительное время.

Однако, нельзя рассматривать казачьи войска более позднего периода в этом плане как полностью подобие образа традиций ранних Сечи и Дона. История не стояла на месте, она вносила свои коррективы и поправки [4]. Постепенно именно территории казачьих войск стали местом не погромов на национальной почве, а вдумчивого, умелого и целенаправленного межэтнического диалога разных культур, групп и этносов. Обратимся к фактам.

Источники говорят нам о том, что в дореволюционной России были распространены казачьи формирования мусульман. Только башкирских казаков из числа мусульман в начале XX века насчитывалось около 100 тыс. человек. На территории Южного Урала с 1798 по 1865 гг., например, существовало отдельное казачье Башкирско-мещерское войско. Оно активно участвовало во многих войнах Российского государства, – в Отечественной войне 1812 года, заграничных кампаниях 1813-14 гг. участвовало 20 полков этого войска, по два полка участвовали в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., Хивинском походе 1839 г., Крымской войне 1853-56 гг. Несмотря на то, что в последних трёх случаях башкиро-мещерянам казакам пришлось воевать с единоверцами (турками и народами Центральной Азии), тем не менее они проявили чудеса доблести и героизма на полях этих сражений.

Масянов Л.Л., вспоминая о службе на Урале писал: «Были полными казаками татары, калмыки, и были они великолепными казаками. Из татар даже было даже офицерство». Хорошо известны имена казачьих командиров-мусульман: войсковой старшина (подполковник) Узбек Тюняев, сотники Шамай Тангаев и Абыш Ураев, хорунжие Искандер Тангатаров и Ахмедфазыл Акиров, подхорунжие и урядники Ахмет Хаметьев, Искандер Чубеков, Утяп Юсупов, Апкеш Утяпов, Ариста Наиптиев и др.

В том же Уральском казачьем войске отдельной боевой единицей был выделен башкирский мусульманский конный полк. В 1862 году из 81.998 уральских казаков было: русских (а фактически также украинцев, белорусов, обрусевших татар, мордвы и т.д.) – 70331 (85,8 %), башкир – 6095 (7,4 %), татар – 4168 (5,1 %), калмыков – 1184 (1,4 %), все остальные (казахи, каракалпаки) составляли очень незначительную часть – 220 чел. (0,3 %) [6, с. 152]. Как видим, процент мусульман в Уральском войске в середине XIX в. превышал отметку в 12 %. Сотники Искаков и Нуралин командовали пятой сотней пя-

того полка и третьей сотней шестого полка Уральского войскового казачества. К концу уже XIX в. подесаул Мурза-Ахмет Исакаев возглавит казачью степную бригаду в Уильском укреплении.

В Уральске, Илецке и станице Сламихинской казачьи мусульманские объединения возглавлялись ахунами. К 1900 году ими соответственно были Абдулсалих Ишкулов, Абдулгаллям Давлетшин и Губайдулла Галькиев. В ряде казачьих станиц, например – Уральской, Илецкой, Мустаевской, Студеновской и некоторых других, даже функционировали мечети.

Уже в современный период истории развития казачества в 2004-ом году на территории Пермского края при посредничестве Духовного управления мусульман была возрождена первая мусульманская казачья сотня, которая вошла в состав Прикамского отдельного казачьего округа.

Источники говорят нам и о многонациональности сибирского казачества: «Среди сибирских казаков встречались представители казахского народа, потомки калмыков, башкир, мордвы» [6]. Вот только небольшие статистические данные: В 1754-1828 гг. командирами, начальниками пограничных линий и командующими отдельным Симбирским корпусом являлись четырнадцать человек, при этом семь из них были этническими немцами и даже не меняли свои немецкие фамилии [9, с.387].

Сибирское линейное казачье войско было создано в 1808 году, после перевода регулярных драгунских частей из Сибири на запад. Одно время его историю пытались вести от казаков атамана Ермака Тимофеевича. Однако, в 1586 году, когда в Сибири укрепилась царская администрация, казаков, пришедших с Ермаком, оставались единицы. А основу нового казачества составили уже не они, а «охотчие» люди с русских северов, местные служилые татары. Сибирское войско, в отличие от вольных общин – Донского, Уральского, Терского войск, было создано государством. В 1822 году появился «Устав о сибирских городских казаках», определяющий место казачества в социально-политической жизни региона. В Сибири были сформированы семь полков городских казаков. Среди них и Сибирский татарский казачий полк, укомплектованный из тобольской, тюменской и томской городских татарских казачьих команд.

Многое менялось и на территории «Вольного Дона».

Одним из последних походных атаманов Донского войска был немецкий генерал Гельмут фон Паннвиц. В 1637-ом году при осаде казаками Азова всеми подкопными работами руководил тоже немец – Иоганн Арадов. Как и когда он попал на Дон, точных сведений не сохранилось. Разные источники дают различные объяснения. Например, известна версия и мнение Ригельмана [10]. Один только факт неопровержим, – немец Ардов честно и преданно служил делу казачества и российской государственности. В царствование Петра I-го из Пруссии на русскую службу приехал и другой немец, – сын полковника, артиллерист Абрам Егорович Миллер. Позже он участвовал во взятии Азова в 1696 г. и прославил себя ратными подвигами.

Сыновья Миллера стали донскими казачьими старшинами. Один из них заведовал переселением донских казаков на Кавказскую линию, второй – Фёдор служил офицером в донском полку и участвовал во взятии Измаила в 1790 г. За боевую доблесть был награждён двумя золотыми крестами. Позже он так же руководил строительными работами Новочеркасска до 1817 г., когда был командирован с донскими частями на охрану границ с Персией. Старший сын Миллера, – Александр был командиром сотни Александровского полка, позже – командиром донского казачьего полка. В дальнейшем большинство Миллеров служило в гвардейском Атаманском полку или начинало в нём свою службу [2].

Казачьими офицерами из числа лиц немецкого происхождения были, – Фердинант барон фон Винценгероде, Фридрих Карл барон Тетенборн, которые отличились на полях сражений войны 1813 года.

Существенное разнообразие в этнический состав казачьих войск и самого российского казачества вносили и плененные иноземцы, которые сначала ссылались властями, а затем органически вливались в состав казачьих частей [7, с. 6].

Российскому государству по определению не важна была национальность казака, принципиальное значение имели лишь ратная доблесть, заслуги перед Отечеством, личная храбрость и отвага. Они играли определяющую роль в государствовроении, становясь славными страницами исторического прошлого страны. Не зря Л.Н. Толстой писал: «... Вся история России сделана казаками» [11].

Выводы

Из всего вышесказанного становится возможным сделать группу определенных выводов, которые могут быть отражены в следующих положениях:

- Существовали старейшие казачьи войска и казацкие территории. Их значение в формировании традиционной культуры казачьего этноса невозможно недооценивать;
- Вместе с тем, достаточно примитивно рассматривать всю историю казачества только как историю развития казацких сообществ Дона, Кубани или Терека. История казачества более разнообразна, оценивать ее в полной и объективной мере становится возможным только с учетом особенностей всех казацких регионов России;
- Анализ особенностей жизни казацких регионов позволяет сделать интересные заключения, многие из которых ставят под сомнение сложившееся шаблоны, штампы и стереотипы в отношении к данному этносу.

Список литературы:

1. Безотосный В.М. Казачество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://his95.narod.ru/oren/kaz_spr.htm.

2. Богаевский Б. Казаки из «немцев» // Родной край. – 1974. – № 112.
3. Ерохин И.Ю. Казачество в свете вопроса военной службы // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – С. 172-174.
4. Ерохин И.Ю. Казачья семья: уникальный культурный феномен в системе государства // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 1. – С. 38-43.
5. Ерохин И.Ю. Идеи государственности казачества Дона // Научный обозреватель. – 2013. – № 6. – С. 58-62.
6. История казачества Азиатской России. В трех томах. Т. I: XVI – первая половина XIX века. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
7. Казаки Урала и Сибири в 17-20 вв. // Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: УрО РАН, Институт истории и археологии, 1993.
8. Казачьи войска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belkazak.narod.ru/history2.html>.
9. Недбай Ю.Г. Сибирское казачье войско. Книга 3 (1846-1861 гг.). – Омск: ООО Изд. дом «Наука», 2004.
10. Ригельман «История о донских казаках». – 1846.
11. Шишков А.В. Казачьи атаманы. – М.: Изд. «Вече», 2008.
12. Экономическое, социальное и административно-политическое развитие Волжского казачьего войска до 1770 г. [Электронный ресурс] // История одного города. – Режим доступа: <http://cityhistory34.ru/?p=201>.